

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ СТАБИЛЬНОСТИ ИМУЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ В АНГЛИИ В XI ВЕКЕ*

На примере особого института нормандского имущественного права, известного как сейзина, рассматриваются формы распределения имущества в Англии после нормандского завоевания 1066 года. Акт сейзины, гарантируя новым владельцам-нормандцам полноту прав, а заодно и сохранение целостности границ владений, каковыми располагали их англосаксонские предшественники, обеспечивал в условиях широкомасштабного передела собственности сохранение известного социального порядка, равно как и стабильность политического режима.

1. Последствия нормандского завоевания Англии

Вторжение герцога Нормандии Вильгельма в 1066 г. в Англию и его победа при Гастингсе над войсками Гарольда Годвинсона считается одним из поворотных моментов английской истории. Следует, однако, признать, что не первоначальное завоевание, а последовавшие за ним события привели к тем серьезным изменениям, которые претерпело англосаксонское общество. Так, едва взойдя на престол, Вильгельм, не желая настраивать против себя местное население, объявил о намерении продолжать политику последнего англосаксонского короля Эдуарда Исповедника (1042–1066), к тому же являвшегося его родственником. Первые столкновения начались в 1067 г., а позже в 1069 г. в северных графствах вспыхнуло самое крупное восстание за весь период правления Вильгельма Завоевателя. С подавлением последнего, а также отдельных очагов англосаксонского сопротивления в 1071 г., завоевание, в общем и целом, завершилось. Сначала как результат битвы при Гастингсе, а затем как итог борьбы с мятежниками большая часть владений англосаксонской знати и зависимых от них людей перешла в руки новой нормандской аристократии, хотя, если говорить об этой персональной смене правящего класса, необходимо внести определенные оговорки.

Исследователи высказывают диаметрально противоположенные суждения о конкретных путях формирования владений новой знати. Если Р. Флеминг настаивает на полной преемственности всего в 10% случаев, то Д. Роффе считает, что «принцип передачи владений был признанным и не вызывал споров», а П. Соьер предлагает решать этот вопрос дифференцированно¹. Дело, однако, заключается, прежде всего, в том, какие критерии мы выбираем, когда пытаемся определить преемственность земельных владений нормандской знати по отношению к владениям англосаксов. Если принимать во внимание персональный аспект, то тут настоящую преемственность можно будет наблюдать лишь в малом числе случаев. Если же

* Работа выполнена в рамках программы «Организация и финансирование работ молодых ученых Российской академии наук по приоритетным направлениям фундаментальных исследований».

под преемственностью понимать сохранение границ отдельных маноров, некогда принадлежавших одному владельцу-англосаксу, но затем перешедших к разным владельцам-нормандцам, то, как постараемся показать ниже, такая преемственность нередко имела место.

Власть англо-нормандских королей могла быть действенной только при условии усвоения и использования ранее сложившихся форм управления, равно как и сохранения прежнего хозяйственного ландшафта Англии англосаксонского периода. В документах англо-нормандской эпохи, особенно во всеобщей переписи Англии 1086 г., известной как «Книга Страшного суда» (*Domesday book*, далее *DB*), можно отметить две довольно характерные особенности нового землеустройства. Во-первых, мы наблюдаем, как в частых спорах утверждается принцип сохранения границ владений, унаследованных или взятых силой у англосаксов. Во-вторых, нетрудно заметить, что эти споры зачастую связаны с усилиями королевской власти сохранить тот слой свободных англосаксов, которые играли видную роль в местном самоуправлении, заседая в судах, неся службу в королевских замках или выступая налогоплательщиками. Этот слой людей не следует смешивать с континентальными вассалами, связанными в областях классического феодального права ленной зависимостью, прежде всего, с непосредственным сеньором. Люди, о которых идет речь, могли составить опору центральной королевской власти и в известной мере помочь ей сдерживать своеволие крупных нормандских феодалов. Ярким свидетельством тому может служить участие англосаксонского ополчения во главе с англосаксом Вульфстаном, епископом Винчестера, в подавлении мятежа эрлов 1075 г.²

Теме политики королевской власти в отношении свободных англосаксов автор настоящей работы уже посвятил специальную статью, где их статус, меры по его поддержанию либо восстановлению рассмотрены в связи с практикой применения неисследованного прежде правового акта *liberatio*³. Актом *liberatio* оформлялись права на земли, населенные свободными англосаксами, как и определенные властные полномочия в отношении этих людей. Можно сказать, что им устанавливался порядок управления поместьями, где могли жить рядом лично несвободные и свободные люди.

Картину, которую мы постарались нарисовать в названной работе, можно обогатить рядом примеров действия более широкого института сейзины, функции которого порою совпадали с особыми функциями названного здесь института *liberatio*. На первых порах институт сейзины был связан по преимуществу с королевской властью и определял правоотношения в высших слоях англо-нормандского общества. (Заметим, что действие родственного института *liberatio* было связано исключительно с прерогативами королевской власти.) О таком положении дел свидетельствует, в частности, довольно частое упоминание королевского дара в связи с сейзиной в «Книге Страшного суда». О прямом участии в делах, связанных с реальным или предполагаемым актом сейзины, свидетельствует и частое указание на то, что представители местного собрания сотни и графства не видели ни королевского приказа, который мог доставить обычный курьер, ни специального королевского посланника, именовавшегося *saisitor* или — в случае с *liberatio* — *liberator*⁴. Именно королевская власть выступала в сложившихся условиях самым действенным инструментом поддержания социального порядка и стабильности.

В «Книге Страшного суда» содержится более полутора сотен документов, упоминающих акт сейзины. Важно отметить, что представление о нем, выраженное большей частью глагольными формами [saisivit, saisitus (a, um) est (fuit)], довольно часто относится в этих документах не к заново совершаемому наделению имуществовыми правами определенного лица, но к некому акту, совершение которого предполагается в прошлом, нередко в англосаксонскую эпоху. В таких случаях особо указывается на права владения предшественника нормандца, которые должны были вытекать из такого акта, что выражалось, прежде всего, в формуле: *suus antecessor erat ex eo saisitus die qua rex Edwardus vivus fuit et mortuus*⁵. Представление о сейзине как таковой и сама терминология сейзины между тем были привнесены впервые в английскую правовую практику завоевателями-нормандцами, иными словами, в наших документах, где говорится о сейзине, мы имеем дело часто с ретроспективным взглядом на правовую практику англосаксов. Но особенно показательны для отношений, которые составляют предмет нашего исследования, те, тоже нередкие примеры, где о сейзине речь идет как о форме подтверждения прав нормандцев, выступающих правопреемниками тех англосаксонских владельцев, которые якобы прошли через акт сейзины во времена короля Эдуарда (*tempore regis Edwardi*) или обладали теми правами, которые могли вытекать из такого акта.

2. О формах землевладения в Нормандии накануне завоевания

Коль скоро мы говорим о правопреемстве представителей нормандского господствующего слоя в отношении их англосаксонских предшественников, то надо охарактеризовать сами имущественные права, приобретение и сохранение которых обеспечивалось актом сейзины или сходным актом, применявшимся в англосаксонский период. Приходится принимать во внимание как социальный порядок, утвердившийся в Нормандии, откуда пришли завоеватели, так и определенные формы имущественных отношений в англосаксонской Англии, которые, как показывают документы, вступили в некоторый симбиоз с правовым опытом нормандцев. Нельзя пройти мимо такого факта, что в Нормандских источниках XI в. слово «аллод» встречается намного чаще, чем слово «феод». Однако аллод в Нормандии не являлся абсолютно свободным владением, как в остальных регионах Франции, что надо отнести на счет сильной публичной власти нормандских герцогов⁶.

Отметим, что акту сейзины и той роли, которую он играл в оформлении новых владельческих отношений в Нормандском герцогстве, автор настоящего исследования посвятил отдельную статью⁷. В ней было показано, что сейзина выступала как устойчивая форма передачи прав на наследственное имущество, близкое по своему статусу аллоду, либо определяемых непосредственно как аллод, причем в ряде случаев гарантом вновь устанавливаемых отношений и лицом, непосредственно принимавшим участие в акте сейзины, выступал сам герцог.

К сожалению, источники весьма скупо рисуют нам конкретное юридическое содержание понятия «*alodium*». Как установила Э. Табюто, главное отличие аллода от феода заключалось, во-первых, в характере служб и, во-вторых, аллоды, очевидно, наследовались *de jure*, предполагая большую свободу распоряжения⁸. Так, в 1034–1035 гг. нормандский герцог Роберт Великолепный подтвердил дар обители Виллар, осуществленный его отцом, аббатству в Фекане. В грамоте было недвусмысленно

указано, что братия монастыря могла поступать с приобретенным имуществом по своему усмотрению, как если бы речь шла о собственном аллоде (*ut facerent ex ipso quidquid facere vellent sicuti de proprio alodo*)⁹. Следовательно, накануне завоевания в среде определенных групп держателей были живы представления об аллодиальной собственности, как оставался реальностью и сам аллод¹⁰. По-видимому, надо согласиться с Дж. Хадсоном, который отметил в одной из последних своих работ, что нормандцы не нашли принципиально новых для себя форм собственности в Англии¹¹.

3. О формах землевладения в Англии накануне завоевания

Несмотря на сказанное, стоит отметить, что в документах самой Англии в период после завоевания понятие «феод» встречается несравненно чаще, чем в нормандских документах, но в то же время оно получает здесь зачастую самое широкое значение и до известной степени утрачивается принципиальное различие между феодем и теми формами имущественных прав, которые можно было бы сблизить с аллодом¹². Так, нормандские клирики, составители документов, довольно охотно применяли понятие «аллод» к формам собственности, которые они застали у англосаксов как наследие предшествующего периода истории Англии.

В англосаксонской Англии сосуществовало несколько форм собственности, причем наряду с широко распространенным боклендом¹³ — привилегированным владением по королевской грамоте — можно указать на условные держания¹⁴. Владения на праве бокленда предполагали определенные службы (это так называемая «*trin(m)oda necessitas*», то есть постройка бургов, ремонт мостов и военная служба)¹⁵. Что касается свободы распоряжения таковым имуществом, то она определялась самой природой бокленда — пожалованием по грамоте — и, соответственно, изложенными в ней условиями пожалования. Тем не менее, зачастую, хотя и не всегда, владельцы бокленда, действительно, обладали большой свободой распоряжения имуществом: могли отчуждать его, завещать, дарить и т. п. В DB, например, встречаются указания, что предшествующие владельцы во времена короля Эдуарда имели право продавать имущество кому угодно или идти куда угодно с землей (*cum ea (terra) ire potuit quo voluit*)¹⁶. Между тем эти владения подлежали конфискации в случае невыполнения публичных служб, военных в первую очередь¹⁷.

Благодаря тому, что ряд англосаксонских законов был переведен на латынь в начале XII в., можно познакомиться с представлениями современников-нормандцев о природе бокленда. Обычно этот тип владения, никак не дифференцировавшийся в англо-скандинавских законах, передается в латинских переводах по-разному: «*terra testamentalis*», «*terra in hereditate*», «*alodium*», «*libera terra*». По справедливому замечанию Дж. Джолиффа, «в XI веке аллод, бокленд и “свободная земля”, которая занимает значительное место в DB и в дипломах нормандских королей, понятия синонимичные»¹⁸.

Большая часть земельных владений перешла к новой нормандской знати от держателей прежнего короля, а именно эрлов и королевских тэнов, которые распоряжались значительными ресурсами. В этих обстоятельствах Вильгельм Завоеватель получал особые prerogatives в деле распределения отнятых у англосаксов владений¹⁹. Можно отметить относительное единодушие исследователей в том, что касается объема прав, приобретаемых представителями новой знати. Так, по мнению

Ф. Барлоу, «новые владельцы рассматривали себя в качестве восприемников социальных и юридических привилегий тэнов», то есть претендовали на тот же объем владельческих прав, что и их предшественники²⁰. Эта же мысль была вновь выражена в недавней работе Энн Уильямс²¹. Другое дело, что это положение скорее постулируется, чем доказывается.

Весьма характерна в этом отношении публикация Д. Роффе, который попытался доказать, что владельцы с правом «саки» и «соки» до завоевания являлись одновременно и владельцами бокленда, а коль скоро точно такие же права приобрели и их преемники нормандцы, то и они получали имущество на том же праве бокленда²². Думается, однако, что исследование правоотношений, определяемых как вытекающих из акта сейзины, может скорее дать картину подлинного симбиоза англосаксонских и нормандских институтов, где не будет места сомнительным опытам воссоздания прямого континуитета англо-нормандских институтов по отношению к англосаксонским. Вызывает возражение и слишком смелое отождествление права «саки» и «соки» с «полнотой прав» тех, кто таковым правом обладал: этимология слов, равно как и контекст, в котором они употребляются в источниках, допускают и другие толкования²³.

4. «Сейзина» англосаксонского предшественника как обоснование прав новых владельцев после завоевания

Рассмотрим конкретные примеры раннего англо-нормандского периода, где, как можно думать, речь идет о сохранении прежнего правового статуса владения и, особо, о жестком сохранении его ранее установленных границ. В отдельных случаях, как мы отмечали, можно говорить даже о полной преемственности во владении определенным имуществом, когда это имущество переходило по наследству. Известно, что некоторые нормандцы женились на вдовах англосаксов и далее сохраняли полученное ими от жен имущество в качестве наследственного²⁴. Можно привести документ, где прямо сказано, что новый нормандский владелец получил имущество на основе права наследования (*per hereditatem antecessoris*)²⁵, но всё же чаще речь шла лишь о сохранении статуса владения и его фактических границ.

Так, в «Книге Страшного суда» сообщается, что в местечке Белинг Бернارد д'Алансон держит восемьдесят акров земли от Хервея де Бурга, которые некогда держал свободный человек (*liber homo*) Бриктмар, коммендировавший себя Эдрику Лаксфельду в отношении этой земли как манора²⁶. Из дальнейшего изложения следует, что теперь это имущество требует себе Роберт Мале, ссылаясь на факт обладания имуществом его отцом, Вильгельмом Мале, который выступал преемником самого Эдрика, бывшего сеньора. Права Эдрика на манор были оформлены актом сейзины, как гласит документ, во времена короля Эдуарда. Таким же образом были оформлены и права Вильгельма Мале, сменившего его после смерти: *de hoc manerio fuit antecessor R<oberti> malet Edric<us> saisitus t(empore) r(egis) E(dwardi). et W<illelmus> malet quando fuit mortuus*. Права распоряжения этим имуществом были ограничены, поскольку его нельзя было ни дарить, ни продавать (*non poterat terram suam dare vel vendere alicui...*).

Как мы видим, права Эдрика, его преемника Вильгельма Мале и, соответственно, права владения, на которые претендовал Роберт Мале, были ограничены запретом самостоятельно отчуждать эту землю. Трудно сказать, было ли это ограниче-

ние связано с тем, что на этой земле сидел свободный человек, с правами которого надо было считаться, или же ограничение на отчуждение земли было определено волей вышестоящего лорда, возможно, самого короля. Как бы ни обстояло здесь дело, стоит отметить одну важную особенность правовых последствий акта сейзины. В отличие от типичной феодальной инвеституры вследствие акта сейзины всякий новый владелец получал права прежнего владельца без какого-либо изъятия²⁷. Эта черта сейзины будет неоднократно выступать в наших документах, которые нам еще предстоит рассмотреть.

Следующий документ не только показывает полную преемственность прав владения в тех случаях, когда совершался акт сейзины, но и выразительным образом свидетельствует о том, что она должна была обеспечивать целостность владения в смысле сохранения его изначальных границ²⁸. В отличие от только что рассмотренного этот документ, кроме того, представляет пример обеспечения актом сейзины прав владения, близких к настоящей собственности.

Сообщается, что Альфред Линкольнский и его человек Глео владеют тремя гайдами земли²⁹. Этот манор в свое время принадлежал Годвину Франполду, который мог его продавать (*Hoc manerium tenuit Godvinus Franpold et vendere potuit*). Альфред требует от Вальтера из Фландрии половину гайды, которой тот его незаконно лишил (*de qua injuste disaisivit eum*), указывая особо при этом, что тем самым была нарушена целостность владения: *cum his iiii hidis reclamat Alurdes super Walterum flandrum dimidium hidae*. Люди сотни свидетельствуют, что его предшественник получил эту землю в силу акта сейзины в эпоху короля Эдуарда (*antecessor ejus t(empore) r(egis) E(dwardi) inde saisitus fuit*) и сам Альфред прошел в отношении этого имущества через акт сейзины (*inde... postea fuit saisitus*). Очевидно, имелись особые основания для того, чтобы требовать восстановления целостности владения, полученного путем акта сейзины. В этом убеждает иск того же Альфреда против епископа Кутанса в отношении незаконно отнятого у Альфреда леса, где можно было откармливать сто свиней. Сотня подтверждает, что предшественник Альфреда владел этим лесом, а епископ лишил его этой части прежде единого владения.

В следующем документе отражен спор, который разгорелся в связи с нарушением прежних границ владений, но владельческие права предшественника обрисованы менее четко, чем в предшествующих двух документах, так что их приходится реконструировать по косвенным данным.

Сообщается, что некто Видон де Кредон (*de Credone*) владеет 14 боватами из земли, некогда принадлежавшей Адестану Годраме (*de terra Adestani Godrame*)³⁰. В отношении этого владения возник спор. Граф Алан и его человек Альгер, очевидно, англосакс, пообещали, дав залог баронам короля (*dedit vadimonium baronibus Regis*), что путем судебного разбирательства или поединка (*per judicium aut per bellum*) они докажут, что Адестан, предшественник Видона, не прошел через акт сейзины при жизни короля Эдуарда (*Adestan saisitus non fuit t(empore) r(egis) E(dwardi)*) и, следовательно, у него не было соответствующих прав владения.

В свою очередь человек Видона, некто Алестан *de Frontone*, очевидно, тоже англосакс, дал залог, обещая доказать, что названный Адестан приобрел имущество с правом саки и соки путем акта сейзины (*inde saisitus erat cum soca et saca*), а потом этим имуществом владел сам Видон по праву сейзины, совершенной во времена эрла Ральфа, занимавшего пост конюшего (*inde fuit saisitus ex tempore Radulfi stalre*)³¹.

Указание на получение владения с правом «саки и соки» означает, что Адестан, а вслед за ним и Видон, могли извлекать судебные штрафы, а возможно, и отправлять правосудие в своих владениях. В любом случае, такую привилегию мог предоставить только король. Принимая во внимание, что речь идет не о территориальной соке, а о привилегии, относящейся к определенному манору, есть основания полагать, что предшественник Видона владел имуществом на праве бокленда, то есть располагал определенной свободой распоряжения им. Следует принять во внимание, что владения Адестана, позже перешедшие Видону, располагались в Йоркшире, где, как показал Д. Роффе, владельцы соки являлись одновременно и владельцами бокленда³².

Истцы, граф Алан и его человек Альгер, однако же, выдвигая претензии к Видону, настолько верили в свою правоту, что готовы были доказывать ее и в судебном поединке. По-видимому, они пытались оспорить принадлежность указанных 14 бо-ват земли к владениям Адестана, чьим преемником объявил себя Видон. Участие именно англосаксов в качестве свидетелей объясняется тем простым обстоятельством, что они были лучше осведомлены о границах спорных владений³³.

Следующий документ еще более красноречив в отношении действия нормы, согласно которой можно было предъявлять имущественные требования в случае, если обнаруживалось нарушение границ владения. Отметим попутно, что здесь ссылка на акт сейзины соседствует с указанием на дар короля, который был якобы оформлен соответствующим актом.

Во времена короля Эдуарда некто Бондо, свободный человек, владел виллой Брифтан (Briefetam)³⁴. Там находились один виллан и бордарий, в домене числилась одна карука, и еще одна карука принадлежала людям, чей статус не указан (Briefetam tenuit Bondo liber homo T(emporis) R(egis) E(dwardi)... Semper I villanus et I bordarius et car in dominio et tunc I car. hominum). Бондо был коммендирован королеве Эдит (regina Edeva habuit commendationem tantum). В пору составления «Книги Страшного суда» разгорелся спор в отношении этой виллы между Ричардом фитц Гильбертом графом Кларе, сыном графа Гилберта Кларе, и Роджером де Рами.

Документ составлен так, как если бы спор происходил в момент его составления. Ричард требует себе имущество на том основании, что оно изначально относилось к феодеу Вифгара, чьим преемником объявлял себя Ричард. Одновременно король и граф (возможно, отец Ричарда) претендуют на соку (Ricardus clamat ad feudum Wifgari et rex et comes socam). Со стороны Роджера де Рами дело, однако, выглядело так, что его предшественник, свободный англосакс Бондо, в отношении своего владения зависел лишь от королевы. Отстаивая собственное право на одну карукату земли — очевидно, господской — в названной вилле и право обладания виллой в качестве манора (Modo Rogerus <deramis> pro I car terrae et pro manerio), Роджер ссылается на дар короля и совершенный в его пользу акт сейзины (hanc terram reclamat Rog<erius> deramis de dono Regis et inde saisitus fuit). В титуле соответствующего параграфа «Книги Страшного суда» спорное имущество представлено как принадлежащее Ричарду. Очевидно, он выиграл дело.

Как показывает следующий документ, предметом спора могли стать не только владельческие права на тот или иной участок земли или другую недвижимость, но и определенные права на свободных людей, сидевшими в пределах того или иного владельческого комплекса.

В «Книге Страшного суда» засвидетельствовано, что в местечке Тэсбург (Tasburgh) в момент описи проживало семь свободных человек. Хермер де Ферер вчиняет иск в отношении прав на одного свободного человека (Unum ex illis septem <liberis hominibus> de taseburc calumpniatur Hermer <de Fererrs>) нынешнему его владельцу, каковым является никто иной, как Роджер Биго. Человек Хермера де Ферер, некий англосакс, готов доказать по суду (quidam anglicus suus homo offert iudicium), что предшественник Хермера обладал на день смерти короля Эдуарда правами на свободного человека в названной вилле в силу акта сейзины (antecessor erat ex eo saisitus die qua rex Eduardus vivus fuit et mortuus). Сотня единодушно возражает против этого утверждения (et hoc contradicit totum hundredum), человек же Хермера выставил поручителя, как гаранта того, что он докажет свою правоту в поединке или путем судебного разбирательства (vel bello vel iudicio ex hoc dedit ille anglicus vadem)³⁵.

Настойчивость человека Хермера свидетельствует о его убежденности в собственной правоте. К сожалению, мы не знаем, чем закончился этот спор, почему так настойчив был в стремлении доказать свою правоту человек Хермера и почему никто из сотни не мог припомнить особых прав предшественника Хермера на упомянутого свободного человека.

Заключение

Несмотря на фрагментарность и неполноту дошедших до нас свидетельств, рассмотренные примеры хорошо показывают, сколь важны были для средневековых людей, живших в обстановке кровавых столкновений, определенные правила разграничения владений и сохранения целостности владений, даже при насильственной смене их хозяина. Королевская власть выступала защитницей такого порядка, способствовавшего как поддержанию хрупкого социального мира, так и нормальному функционированию средневекового хозяйства.

Акт сейзины после завоевания выступал наиболее надежной формой утверждения прав на имущество новых владельцев, причем в целом ряде случаев речь идет о самых широких правах, сопоставимых с аллодиальными. Само его применение было обусловлено тем обстоятельством, что нормандская знать получала права своих предшественников в полном объеме, а оформлению таких прав, по представлениям людей того времени, мог служить только акт сейзины.

Примечания

- ¹ Fleming R. Kings and lords in Conquest England. Cambridge studies in Medieval life and thought. 2nd ed. Cambridge, 2004. P. 112–120; Roffe D. Domesday. The Inquest and the Book. Oxford, 2000. P. 23. Sawyer P. 1066–1086: A tenurial revolution? / Domesday Book. A reassessment. Ed. P. Sawyer. London, 1985. P. 71–85.
- ² См.: Горелов М. М. Нормандское завоевание Англии: от этнического конфликта к феодальным смутам // Средние века (СВ). 2001. Вып. 62. С. 24.
- ³ См.: Касатов А. А. Институт «liberatio» в Англо-Нормандском королевстве: к вопросу о социальной политике Вильгельма Завоевателя // СВ. 2007. Вып. 69 (в печати).
- ⁴ Domesday Book or Liber Censulis Willelmi Primi regis Angliae / Ed. A. Farley and H. Ellis. London, 1783–1816. Vol. I–IV. Ссылки на это издание будут даваться в соответствии с традицией: номер тома, номер фолио, номера строк. DB. Vol. I 208r (D-25); Vol. I 141v–142r (37–19); Vol. II, 278b.

- ⁵ DB. Vol. II 189b–190a (9–219, 227).
- ⁶ Tabuteau E. Z. Ownership and tenure in eleventh-century Normandy // *American Journal of Legal History*. 1977. Vol. 21, № 2. P. 112.
- ⁷ См.: Касатов А. А. Институт сейзины в Нормандском герцогстве конца X — XI в. и близкие по времени его примеры из соседних областей (конец XI — XII в.) // *Феодализм: понятие и реалии*. М., 2007 (в печати).
- ⁸ Tabuteau E. Z. Transfers of property in eleventh-century Norman law. North Carolina, 1988. P. 103.
- ⁹ *Recueil des Actes des ducs de Normandie, 911–1066* / Ed. M. Fauroux. Caen, 1961. № 87 (...) *pater meus dedit ad monachos Sanctae Trinitatis quod appellatur Fiscanum, monasterium quod dicitur Villare in proprium alodum ad victum et usus monachorum, ut facerent ex ipso quidquid facere vellent, sicuti de proprio alodo.*
- ¹⁰ Hudson J. Anglo-Norman land law and the origins of property // *Law and Government in medieval England and Normandy* / Ed. J. Hudson and Garnet. Cambridge, 1994; См. также François Neveux *La Normandie des ducs aux rois Xe–XIIIe siècle*. Rennes, 1998. P. 192–195. Мнение о преобладании феода в Нормандии не подтверждается значительным корпусом герцогских грамот, где слово «феод» (*feudum, fevum*) встречается только пять раз, а слово «аллод» не менее тридцати, точно так же, как и слово «бенефиций». О статистике см. *Recueil des Actes des ducs de Normandie... Index*.
- ¹¹ Hudson J. *The formation of the English Common law. Law and society in England from the Norman Conquest to Magna Carta*. London, N. Y., 1999. P. 90.
- ¹² В переводе англосаксонских законов понятие «феод» в одних случаях тождественно бокленду, в других, напротив, противопоставляется ему. Англосаксонский и латинский тексты законов Эгберта (II Eg) приводятся по изданию: *Die Gesetze der Angelsachsen* / hrsgb. F. Liebermann. III Bände. Halle. 1898–1903; 1906, 1912. Band. I. II Eg 2 *Si quis tainorum sit qui in feudo suo ecclesiam habeat, ubi cimiterium sit...* В англосаксонском оригинале: *Gif hwa þonne ðegna sý ðe on his boclande cyrican habbe...* Далее все ссылки будут даваться по этому изданию в соответствии с традицией.
- ¹³ Литература о бокленде весьма обширна. Среди основных работ можно указать следующие: Vinogradoff P. *English society in the eleventh century*. Oxford, 1908; Jolliff J. E. A. *English book-right* // *English historical review* (EHR). 1935. Vol. 50. P. 1–21; Eric John. *Land tenure in early England*. Leicester, 1960; Pollock F., Maitland F. W. *The history of English Law before the reign of Edward I*. Cambridge, 2nd ed. 2 vols. 1968; Joswig D. *Die germanische Grundstückübertragung*. Frankfurt am Mein, 1984; Plucknett T. F. T. *Bookland and Folkland* // *Studies in English legal history*. London, 1983. P. 164–172; Abels R. *The bookland and fyrdservice in late Anglo-Saxon England* // *Anglo-Norman Studies. Proceedings of the Battle Conference* (ANS). 1984. Vol. 7; Abels R. *Lordship and Military Obligation in Anglo-Saxon England*. Berkley, Los Angeles, 1988; Roffe D. *From thegnage to barony: sake and soke title and tenants-in-chief* // ANS. 1989. Vol. 12. P. 157–176; Reynolds S. *Bookland, folcland and fief* // ANS. 1991. Vol. 14. P. 211–229; Гуревич А. Я. Роль королевских пожалований в процессе феодального подчинения английского крестьянства // СВ. 1953. Вып. 4; Савело К. Ф. Раннефеодальная Англия. Л., 1977. С. 97–100; Глебов А. Г. Англия в раннее средневековье. Воронеж, 1998.
- ¹⁴ II Cn, 78, John Eric. *Op. cit.* P. 56–58; Abels R. P. *Lordship and military obligations...* P. 137–138.
- ¹⁵ Об этом специальная статья: Stevenson W. H. *Trinoda necessitas* // EHR. 1914. Vol. XXIX. P. 689–703.
- ¹⁶ DB. V. I. 62r (41–6).
- ¹⁷ Еще в законах Инэ (к. VII в.) любой свободный мог быть лишен земли, если покидал фирд. *Ine 51 Si homo expeidionem (fird) fugiet... amittat terram suam*. Позже эта норма была повторена в частной компиляции 1113–1118 гг. «Законы Генриха I»: *HnL 13,12 Quis in bello campali vel navali pro timiditate fugiet a domino vel a socio suo, perdat omne quod habet et vitam suam, et manus mittat dominus ad pecuniam suam et terram quam ei dedit, et si bocland habet, in jus regium cadat*. Р. Абельс трактует положение статьи в «Законах Инэ» как применявшееся только по отношению к личной дружине короля. (См.: Abels R. *Lordship and Military Obligation...* P. 13–25.)

- ¹⁸ Jolliff J. E. A. English book-right... P. 21.
- ¹⁹ Marjorie Chibnall Anglo-Norman England. Oxford, 1986. P. 24; Green A. Judith. The aristocracy of Norman England. Cambridge, 1997. P. 49 ff.
- ²⁰ Barlow F. William Rufus. New Haven-London, 2000. P. 158.
- ²¹ Williams A. The English and the Norman Conquest. Woodbridge, 1997. P. 72.
- ²² Roffe D. From thegnage to barony... P. 163.
- ²³ Авторы компиляций нормандской эпохи понятия «сака» и «сока» употребляют как судебные. См.: LW. 27 In cujuscunque terra fur cum furto invenitur, dominus terre et uxor furis habebunt medietatem omnium bonorum furis... Et alteram medietatem, nisi inveniatur in terra ejus qui perdit et habet socha et sac... quia tunc dominus habebit; ECf. 21,1 Quod ipsi forisfacerent, et clamor vicinorum insurgeret de eis, ipsi haberent eos ad rectum in curia sua, si haberent sacha et sochne et tol et team et infangenetheof. О понятиях «сока» и «сака» у англосаксов см.: Wormald P. Lordship and justice in the early English kingdom: Oswaldslow revisited // Property and Power in the early middle Ages / Ed. W. Davies and P. Fouracre. Cambridge, 2002. P. 119, 129.
- ²⁴ О формах распределения имущества см.: Roffe D. Domesday... P. 20–22.
- ²⁵ English lawsuits from William I to Richard I / Ed. Van Caenegem R. C. // Publications of Pipe Roll Society. Vol. 106–107. Vol. 1–2; 1990–1991. Vol. 1, № 31.
- ²⁶ DB. V. II 442 a–b (67–15) In Tudeham in dominio iiii ac. et s(un)t in belinges et valet VIII d... In eadem tenet Bernardus de alencun LXXX ac. quas tenuit Bricmarus liber homo t. r. e. Commendatio Edrici de laxfeld pro manerio... De hoc manerio fuit antecessor R(oberti). malet Edric(us) saisitus t. r. e. et W. malet quando fuit mortuus et non poterat terram suam dare vel vendere alicui... Hoc totum tenet Bernardus de belencun [d'Alanzon] de heuehu (i. e. Herveo).
- ²⁷ Roffe D. Domesday... P. 42 ff.
- ²⁸ О судьбе знатных англосаксов см.: Williams A. The English and the Norman Conquest. P. 98–125.
- ²⁹ Речь, скорее всего, идет о видном землевладельце эпохи короля Эдуарда, который держал баронию в Линкольншире в 1086 г. См.: Keats-Rohan K. S. B. Domesday Descendants. A prosopography of persons occurring in English documents 1066–1166: II Pipe Rolls to Carta Baronum. Woodbridge, 2002. P. 549.
- ³⁰ DB I 377v (СК–66).
- ³¹ Речь идет о Ральфе the Staller (1011–1068), эрле Восточной Англии при короле Эдуарде, при Вильгельме Завоевателе получившем титул эрла Норфолка. Его сын Ральф, эрл Норфолка, принял участие в мятеже баронов 1075 г.
- ³² Roffe D. From thegnage to barony... P. 157–176, Он же: Domesday... P. 30–33. Хотя концепция исследователя и вызывает возражения, но он довольно ясно продемонстрировал, что в ряде северных графств владельцы соки и саки были владельцами бокленда.
- ³³ Так, в известном споре между епископом Одо Байе и архиепископом Ланфракном о владениях в Penenden Heath говорится, что «король приказал, чтобы собрались все французы и англичане графства, так как англичане лучше знают обычаи и законы» (precepit ergo rex considerare et homines comitatus omnes Francigenas et... Anglos in antiquis legibus et consuetudinibus peritos in unum convenire). (См.: English lawsuits... Vol. 1, № 18, B.)
- ³⁴ DB II 393b (25–56).
- ³⁵ DB II 189b–190a (9–219, 227).